

Алексей БАТАЛОВ:

ПЕРЕД СУДОМ ПУБЛИКИ

В издательстве «Искусство» готовится к изданию новая книга известного советского актера и режиссера, народного артиста СССР Алексея Баталова «Судьба и ремесло». Сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывок из главы «В плену у книги».

но, к тому же еще это внутреннее беспокойство за свой вид, сжигающее последние крупицы свободы и необходимой уверенности.

О съемке картины знали многие, и площадку возле аппарата всегда окружали поклонники Чехова, среди которых постоянно бывали и особенные, аккуратные петербургские старушки и старики, почти современники моего героя. Они старались деликатно подсказать Хейфицу какие-то особые детали, приметы ушедшей жизни. Конечно, говорили и об актерах, и о костюмах...

На третий или четвертый день во время репетиции я услышал, как одна милейшая зрительница в старинных нейтральных кружевах с улыбочкой объясняла Иосифу Ефимовичу, что человек тех, ее времен — тем лаче чеховский! — любимый Антоном Павловичем персонаж совершенно не может позволить себе ходить носками внутрь! Косолапить, вот как этот современный герой! Уж что-то, но это-то необходимо соблюсти, тем более в такой прозрачной вещи, как «Дама с собачкой»!..

Хейфиц несколько раз взглянул на мои ноги, но я уже стал следить за тем, как хожу, переступая в огромных фетровых ботах, так что с того момента ему уже никогда во время съемок не бросалась в глаза моя плебейская поступь. Сознаюсь теперь, что следить за своими ногами в течение не-

скольких долгих месяцев, особенно во время какой-то сцены, очень противно и по своему сложно, потому что, хочешь не хочешь, возникает дополнительный объект внимания, конечно, в чем-то скрывающийся, мешающий главным заботам у камеры. Я с завистью вспоминал, как легко и непринужденно двигаются, садятся, облакачиваются настоящие героиллюминаторы и всякие интеллигенты, у которых, как мне тогда казалось, с самого рождения ноги и белые руки привинчены совершенно иначе, чем у меня. На мой счет острели, я отшучивался, но все принимал всерьез.

Поразительно, какую силу это общее читательско-романтическое представление приобрело надо мной. Мне даже не приходило в голову просто вспомнить, что А. Блок любил или во всяком случае ловко и сильно колот на морозе дрова, что граф Л. Толстой таскал в санках воду, а М. Зощенко был навалером трех высших военных солдатских орденов...

Отснявши зиму и сцены Москвы, группа отправилась в Ялту. Костюмы сменились на противоположные, вместо мокрого снега и холода людей мучила жара, ноги, освободившись от долгополой шубы, стали еще заметнее и уже механически я вспоминал о них всякий раз, как ступал на площадку...

В тот памятный для меня день снимали горную дорогу. Приготовления длинные,

собрались рано, все устали и томились под солнцем в ожидании лошадей и экипажей. И вышло так, что именно в этот день прямо на съемочную площадку ассистенты доставили Хейфицу с невероятным трудом добытого ялтинского старика, не только знающего старые места, но и очень часто видевшего Антона Павловича Чехова. Во времена Чехова он был лодочником, и по странному совпадению именно этот человек всегда перевозил у бережья двух постоянных своих клиентов, предпочитавших его лодку всем остальным. Это были Чехов и Максим Горький.

Старик был очень древний, плохо слышал, глядел, прищурив один глаз, и потому, сидя с Хейфицем на лавочке в тени дерева, отвечал на вопросы Иосифа Ефимовича почти криком и немножко невпопад. Хейфиц спросил гостя что-то о костюмах времен Чехова и рукой позвал меня. Я оставил гримеров и направился через дорогу...

— Во-во, точно этот похож и борода... — услышал я, еще не дойдя до лавочки.

— Нет-нет, он у нас не играет Антона Павловича. Это просто отдыхающий в Ялте того времени. Он не Чехов, — объяснял старик Хейфиц.

— И точно, точно, все тогда надо не надо, а с палочками ходили, все. Чехов-то, он, правильно, большой был, худой тоже.

— Антон Павлович и старше был, так что это неважно. Он у нас не Чехов, не Чехов, просто это то время.

— Ну верно, — заулыбался лодочник, все стараясь сказать приятное начальнику в темных очках. — Точно! Гляди, вон он и ногами-то загребаёт, косолапит, ну точно Чехов. Он!

Хейфиц откровенно рассмеялся и перестал бороться, а с моей души упал камень, хотя и несколько поздно. За ногами не так мучительно, но все-таки я следил до конца фильма.

Однако сила человеческого представления о своем созданном в читательском воображении литературном герое сильнее документов, доводов разума, воспоминаний очевидцев. В нашем деле лучше помнить о ней, понять, откуда, из чего сложилось, чем питается такое устойчивое, хотя, может, и не верное и не соответствующее книге представление. Для зрителя оно реально и возникает при первом появлении артиста.

Так и с Гуровым. Все равно Григорий Михайлович Козинцев на художественном совете сказал, что не почувствовал, не уловил с экрана того, что для него составляет «Дама с собачкой», что ему мешают лишние слова и фильм, хотя и обладает целостностью режиссерского построения, скорее напоминает попури из Чехова, чем этот рассказ Антона Павловича. Почти в первый день выхода фильма на экран замечательный кинокритик М. Блейман распушил Хейфица, опять-таки основываясь на своем собственном ощущении рассказа.

Но и не столь противоположные ощущения образа героя порою уводят в сторону от истины или авторского замысла. Примером того, сколько они сильны и влиятельны, может служить даже сценическая история Гамлета. Замечательно тонкое, бьющее в нос обывателю, желающему видеть красненьких героев, представление самого Шекспира не устояло перед восприятием зрителей. Оно не приблизилось на сцену мира, не обрело плоти и осталось только как свидетельство дистанции между гением и его публикой. Шекспировский Гамлет не молодой, а по тем временам совсем не молодой, растолстевший, так и хочет

написать очкастый, интеллигент, воплощение знаний и глубочайших противоречий, которые ведомы только человеку, способному сопоставить вечные законы мироздания с самыми простыми явлениями жизни. Гамлет, не приспособленный к земному существованию, которое ошеломляет его на каждом шагу, обреченный на гибель задолго до начала пьесы. Но вот уже много столетий он является нам то хрупким, бледным юношей, то мстителем с рыцарской осанкой, то безумцем с горящим взором — каким угодно, но не таким, как предлагал играть его Шекспир. Ни волна дегероизации, ни сложнейшие построения интеллектуального театра и кинематографа, ни поиски в подсознании не смогли до сих пор освободить Гамлета от черт сценического героя, навязанных ему фантазией поколений.

Итак, хотим мы того или нет, но при любом переложении должно возникнуть новое произведение, достоинства которого будут убеждать и покорять публику уже иными, присущими данной форме средствами и при этом еще совпадать с тем эмоциональным впечатлением, которое сложилось в душе большинства знакомых с подлинником людей. Это сложное правило почти неисполнимо по всем пунктам, и созданное по такому рецепту спектакль или фильм, может быть, тоже наткнется на неприятие какой-то части публики, но тем не менее история подтверждает, что именно здесь скрывается настоящий успех второго рождения...

Перед живой стихией публики опыт прошлого оказывается почти бессильным грузом. И дело не только в том, что зритель, как вода у берегов реки, постоянно меняется, унося в прошлое своих кумиров и симпатии, но еще и в том, что само классическое сочинение постоянно обновляет свои связи с людьми, обретая новое, характерное для данной эпохи звучание. Да и в жизни одного человека оно с годами читается заново. И все это, конечно, имеет прямое отношение к характеру исполнения и выбору акцентов и лейтмотива.